

СОН ПИЛАТА: СИНДРОМ «ЖЕРТВЫ И ПАЛАЧА» В КОНТЕКСТЕ «ГИБРИДНОЙ ВОЙНЫ»

В.Н. Ткаченко

Национальная академия педагогических наук Украины

Аннотация: В статье анализируется «гибридная война» России против Украины, когда дополняют друг друга военные и невоенные формы воздействия, рассчитанные на достижение цели измором, подрыв изнутри с использованием сепаратистов и фрондёров внутри страны.

Ключевые слова: «гибридная война», «многомерная война», сепаратисты, кризисное реагирование, высокоточное оружие, миротворческая операция, аннексия Крыма, Донбасс, ЛНР и ДНР, Новороссия, конфедерализация, ирредента.

Интродукция

Пять лет сотрудничества с журналом «Политическая концептология» не вызывало во мне никакого психологического барьера в общении с его редакцией и авторским активом. Я прекрасно чувствовал себя в этом кругу и реально осознавал, что аудитория журнала стала мне близкой своей непредубежденностью и, в частности, искренней заинтересованностью в рассмотрении «злобы дня» украинских событий.

Но вот случилась аннексия Крыма, массово поддержанная 85% российских респондентов. Дальше началась «гибридная война» против Украины на Донбассе, также положительно воспринятая общественным мнением России. Что ни говори, но отныне мы оказались — не образно даже, — а фактически на противоположных сторонах от линии фронта. И тогда в полный рост стала проблема: как же нам теперь вести научный дискурс? Делать вид, что ничего не случилось? Но ведь случилось. Например, Анастасия Дмитрук — ровесница независимости Украины — в свои 23 года написала текст песни, которая взорвала Интернет, набрав за короткое время свыше 4 миллионов просмотров. Главный тезис песни: «Никогда мы не будем братьями ни по родине, ни по матери». Дай то Бог, чтобы наши научные публикации брали бы по популярности рейтинг даже на порядок меньший...

И если мы уйдём от поставленной молодым поколением проблемы, то насколько наши публикации вообще будут социально затребованы? Ведь существует ряд вопросов, которые активно обходятся политиками и дипломатами. И один из них звучит во всей своей наготе таким образом: так есть ли факт агрессии со стороны России или нет? Или же мы имеем дело с некими «миротворческими операциями», после которых, как показывают картинки телевиде-

ния, не остаётся камня на камне? Ведь момент истины при анализе состоит именно в этом: кто есть агрессор, а кто жертва агрессии? Если этой отправной точки нет, то тогда все становится зыбким и расплывчатым. А ведь кое-кто пытается убедить, что Россия вообще не сторона конфликта. Все дело, оказывается, лишь в существующей гражданской войне противостоящих сил внутри самой Украины. Хотя это далеко не так.

Поэтому и возникает проблема нравственная. Если мы умоем руки, как в свое время Пилат, то не будет ли нас всю оставшуюся жизнь мучить кошмарный сон, так зримо описанный Михаилом Булгаковым в его «Мастере и Маргарите»? «Он шёл в сопровождении Банги, а рядом с ним шёл бродячий философ. Они спорили о чем-то очень сложном и важном, причём ни один из них не мог победить другого. Они ни в чем не сходились друг с другом, и от этого их спор был особенно интересен и нескончаем. Само собой разумеется, что сегодняшняя казнь оказалась чистейшим недоразумением — ведь вот же философ, выдумавший столь невероятно нелепую вещь вроде того, что все люди добрые, шёл рядом, следовательно, он был жив. Казни не было! Не было!» — вот в такой форме протекает заболевание под названием «синдром жертвы и палача».

И об этом никогда не стоит забывать, споря о чем-то сложном и важном. Ведь если станем на ту точку зрения, что казни (т. е. агрессии!) якобы не было, то наши споры будут ничёмны с самого начала. Убить философа, сформулировавшего всего лишь «невероятно нелепую вещь вроде того, что все люди добрые» — великий грех. Но не в меньшей степени такой же грех наказывать народ, который решил сам сделать свой цивилизационный выбор. Не об этом ли говорит министр иностранных дел РФ Сергей Лавров, упоминая «о естественном желании все большего числа государств обеспечить свои жизненно важные интересы и сделать это так, как представляется правильным этому конкретному государству, а не как подскажут „из-за бугра“»? А ведь и действительно — разве можно что-то возразить по этому поводу? И ещё одно очень уместное замечание министра: «Стало модным рассуждать, что в Крыму и на Украине Россия вела и ведёт некую „гибридную войну“... Интересно порассуждать и на тему понятия гибридной войны, кто её ведёт, и только ли из „зелёных человечков“ состоит весь гибрид» [Лавров 2014].

Мы идём навстречу пожеланию Сергея Лаврова, тем более что оно отвечает и нашим внутренним убеждениям. Но с определённой оговоркой — мы будем пользоваться преимущественно российскими источниками, используя их максимально приближённо по тексту, дабы лишить возможности любого недоброжелателя упрекнуть украинскую сторону в якобы предубеждённом отношении к описанию и оценке действий России по отношению к Украине.

«Гибридная война» — во всей своей наготе

Итак, мы подошли к основному вопросу — что же собой представляет эта самая «гибридная война»? Обратимся к российским источникам, знающим о проблеме не только в теории, но и на практике агрессивных действий против Украины. Впрочем, сама по себе Украина для массы российских экспертов как бы и не представляет особой заботы. Здесь ставки повыше: в мире, мол, происходит эпохальная борьба России против США, которые пытаются «удержать экономическое и политическое доминирование, поставленное под вопрос экономическими и геополитическими переменами на международной арене». А Украина — это так, фрагмент этого большого противостояния США и России. И потому российский эксперт в области международной безопасности некий полковник в отставке А.О. Гилёв и начинает свой анализ именно с этого пункта: **«Украинский кризис продемонстрировал, что мир вступил в новую реальность, определяющей характеристикой которой является конфронтация. Запад ввязался в борьбу с Россией, и это часть его противостояния со всем независимым, незападным сообществом... Россия — единственная глобальная сила, способная**

и готовая к противодействию в военном и идеологическом плане» (курсив наш. — *Авт.*) [Гилёв 2014].

А раз это Запад ввязался в войну с Россией, а вовсе, как оказывается, не Россия с Украиной, то по логике российских аналитиков и сама «гибридная война» (она же «многомерная») является изобретением американцев. Россия же, дескать, вынуждена лишь приспособливаться и адекватно реагировать на происки американцев. Стратегия же этой войны нацелена не на разгром противника, а на его «удушение». Проблема заключается в том, что в условиях глобально интегрированной экономики и наличия у многих стран оружия массового уничтожения полномасштабная (даже локальная) война бесперспективна и чревата неприемлемым уроном. К вероятным затратам на неё не готовы ни экономика, ни граждане подавляющего числа государств. Но только не Америка. Её доминирование на мировых финансовых рынках, в сфере передовых технологий, контроль над глобальными информационными потоками позволяет ей оказывать разностороннее давление, не менее разрушительное, чем вооруженный конфликт.

Вот потому и Россия исходит сейчас из того, что *современная война многомерна. Эта война сочетает информационное, военное, финансовое, экономическое и дипломатическое воздействие на противника в реальном времени.* Предполагается, что массированное и координированное использование всех невоенных методов может оказаться достаточным, чтобы запугать и ослабить оппонента, сведя применение Вооружённых сил к минимуму. Для успеха необходимо, *во-первых, обеспечить как можно более полную международную изоляцию объекта воздействия, а во-вторых, заручиться возможностью оказывать на него давление изнутри.* Здесь большое влияние оказывает наличие безграничного информационного пространства. Расширение общения через социальные сети позволили выработать эффективные методы взаимодействия с группами населения внутри других стран, способствующие тому, чтобы виртуально направлять идеологическую, этническую или религиозную оппозицию. Особенно это стало заметным в последние два десятилетия, когда военные, разведывательные и информационные органы отладили технологию «опосредованного вмешательства», часто используя приграничные страны и регионы в качестве базы.

Отмеченное выше для российских теоретиков лишь присказка. А сказка — вот она. Оказывается, Россия, хотя она и обладает потенциалом ядерного сдерживания, может не прибегнуть к прямому ответу военными средствами, благодаря «неосвоенности» и «опосредованности» применяемых Соединёнными Штатами действий. И тут-то, пишет Гилёв, при отсутствии угрозы встречного удара, развязываются руки американцев «для применения практически всех остальных методов, способных нанести удар Москве — от санкций и технологического саботажа до информационных провокаций. Традиционный военный ответ на войну „другими средствами“ представит Россию как агрессора и ещё сильнее подорвёт её международные позиции. На Украине ловушка сработала. В скором времени к „украинскому фронту“ могут добавиться кавказский и центральноазиатский. В этих регионах мы можем столкнуться с организованными бандами исламистов и наёмников под явным или неявным иностранным руководством (по модели нынешних событий в Ираке)». То есть, исходя из позиции Гилёва, главным пропагандистским тезисом здесь является роль России как якобы невинной жертвы, попавшей в ловушку из-за происков её противников, когда «многомерную войну как таковую мы ещё не распознали и поэтому не готовы её вести» [Там же].

Здесь остаётся только воскликнуть: полноте, зачем же прикидываться «казанской сиротой»? Не лучше ли вспомнить научный доклад начальника Генерального штаба ВС России генерала армии Валерия Герасимова на собрании Академии военных наук в феврале 2013 года. Фактически ещё за год до операции в Крыму и последующих событий главный российский военачальник почти один к одному представил то, что через год случилось в Украине: «Войны уже не объявляются, а начавшись — идут не по привычному шаблону... Вполне благополучное государство за считанные месяцы и даже дни может превратиться в арену

ожесточённой вооружённой борьбы, стать жертвой иностранной интервенции, погрузиться в пучину хаоса, гуманитарной катастрофы и гражданской войны». По существу весь пафос выступления генерала Герасимова сводился к тем особенностям вооружённого конфликта, которые напрямую перекликаются с дальнейшими событиями в Крыму и на юго-востоке Украины: «Акцент используемых методов противоборств смещается в сторону широкого применения политических, экономических, информационных, гуманитарных и других невоенных мер, реализуемых с задействованием протестного потенциала населения. Все это дополняется военными мерами скрытого характера, в том числе реализацией мероприятий информационного противоборства и действиями сил специальных операций. ***К открытому применению силы зачастую под видом миротворческой деятельности и кризисного реагирования переходят только на каком-то этапе, в основном для достижения окончательного успеха в конфликте*** (курсив наш. — Авт.)» [Герасимов 2014].

Дальше генерал Герасимов откровенно определил, какие формы борьбы и способы их применения Россия собирается использовать в дальнейшем. Не вдаваясь в военный аспект проблемы (это не предмет нашего исследования), хотели бы лишь акцентировать то, что никакой большой тайны этот аспект не составлял. Текст выступления был опубликован на сайте Еженедельник «Военно-промышленный курьер» (<http://www.vpk-news.ru>) ещё в феврале 2013 года, а потому ссылки некоторых украинских авторов на то, что для Украины все это оказалось неожиданностью, звучат не то что неубедительно, а прямо-таки безответственно. А ведь в выступлении Герасимова речь шла о том, что фронтальное столкновение крупных группировок войск (сил) на стратегическом и оперативном уровне постепенно уходит в прошлое. Дистанционное бесконтактное воздействие на противника становится главным способом достижения целей боя и операции. Поражение его объектов осуществляется на всю глубину территории. Стираются различия между стратегическим, оперативным и тактическим уровнем, наступательными и оборонительными действиями. Применение высокоточного оружия приобретает массовый характер. В военное дело активно внедряются вооружения на новых физических принципах и роботизированные системы. Одной из форм применения формирований вооружённых сил за границей является миротворческая операция.

Что особо хотелось бы выделить в этом ряду форм противоборства, так это то, что «широкое распространение получили асимметричные действия, позволяющие нивелировать превосходство противника в вооружённой борьбе. ***К ним относится использование сил специальных операций и внутренней оппозиции для создания постоянно действующего фронта на всей территории противостоящего государства, а также информационное воздействие, формы и способы которого постоянно совершенствуются*** (курсив наш. — Авт.)» [Там же]. Поэтому, считаем мы, все разговоры о романтиках-ополченцах Донбасса, ставших на защиту своих сел и городов под флагами ЛНР и ДНР — все это от лукавого. Все они являют собой составную часть подразделений агрессора. А потому по отношению к ним только и остаётся один формат поведения — освобождать от них оккупированные территории.

Стоит ли отталкиваться в определении новых форм агрессивной политики России от выступления Герасимова в феврале 2013 года? Конечно же, нет — это выступление было скорее уже напутствием на практические свершения после осуществлённой военной реформы, которая началась в России ещё в 2008 году после «пятидневной войны» с Грузией. Не будучи военными экспертами, сошлёмся при анализе реформы на мнение главного редактора российского журнала «Moscow Defense Brief» Михаила Барабанова (независимый аналитический центр). Согласно свидетельству с его стороны, замысел военной реформы 2008 года состоял в решении отказаться от традиционной мобилизационной армии и оставить только силы постоянной готовности. Этот курс подкреплялся сменой доктринальных установок относительно национальной безопасности России. Судя по всему, крупномасштабная конвенциональная война между ведущими странами мира была признана Москвой практически не-

вероятной. Поэтому вооружённые *силы России должны были переориентироваться с участия в масштабной войне с несколькими противниками, на возможное участие в локальных конфликтах на границах России, на территории стран СНГ и ближнего зарубежья*. Соответственно, было решено отказаться и от мобилизационной системы, которая в существовавшем виде являлась анахронизмом. *Защита от других великих держав (в первую очередь от США и НАТО) теперь возлагалась почти исключительно на стратегические ядерные силы. В то же время воздушно-десантные войска (ВДВ) были усилены*. В 2012 году было создано Командование сил специального назначения (ССН) и киберкомандование.

Первой значительной проверкой реформирования российских вооружённых сил «нового облика» стал украинский кризис. Далее предоставим слово самому Михаилу Барабанову: «Осуществлённая в конце февраля — начале марта 2014 г. скрытная российская военная интервенция в Крым ошеломила многих, заставив даже ряд наблюдателей на Западе и на Украине говорить о некоей новой „гибридной войне“. Действия, направленные на силовое прикрытие крымского пророссийского движения и обеспечение невмешательства в события на полуострове украинских силовых структур, были действительно спланированы и осуществлены весьма остроумно и эффективно. В роли „вежливых людей“, как теперь известно, выступали подразделения российских ВДВ и бригад спецназа, а также подразделения ССН, что стало фактически их дебютом». Отвлекающая массированная переброска войск в северные регионы России позволила «замаскировать переброску нескольких тысяч военнослужащих спецназа и ВДВ в Крым. Одновременно начали выдвижения частей к российско-украинской границе, призванное оказать давление на Украину с целью недопущения использования ею военной силы в Крыму» [Барабанов 2014].

Что и говорить, ситуация для Украины складывалась крайне неблагоприятно. Быстрое сосредоточение в Крыму российских войск и блокирование ими находящихся там гарнизонов Вооружённых Сил Украины вкупе с развёртыванием российских войск на границе практически исключили для Киева шансы на эффективное вооружённое сопротивление. В результате 17 марта Крым был присоединён к России — менее чем через месяц после начала операции. Казалось бы, Россия должна была торжествовать. Но «ирония истории» уже в который раз сыграла свою злую шутку. Проблема Крыма существовала в России всегда. Но во времена Ельцина победила точка зрения, что захват Крыма отвергнет Украину от России. При президенте Путине возобладало другое мнение, хотя, по мнению Барабанова, присоединение Крыма «скорее ухудшало стратегическое положение России, поскольку вело к полной антагонизации Украины. Устранить эту угрозу можно было, либо радикально изменив политический курс Киева, либо резко ослабив Украину тем или иным способом — лучше всего путём её расчленения и присоединения к России русскоязычных областей юга и востока страны, составляющих так называемую Новороссию. В этих условиях „второй тур“ на Украине стал неизбежным, тем более что русскоязычное население юга и востока было вдохновлено присоединением к России Крыма. С начала апреля по Украине прокатилась волна протестов и захватов административных зданий, а в Донбассе возникли вооружённые группы, провозгласившие создание Луганской и Донецкой народных республик (ЛНР и ДНР). Кульминацией событий стало прибытие 13 апреля в Славянск группы Игоря Стрелкова из Крыма» [Там же].

Эйфория сепаратистов, однако, длилась не долго. Украинские власти объявили на Донбассе антитеррористическую операцию (АТО), начав сосредоточение сил для подавления сепаратистов. В свете резко негативной реакции Запада, Москва тоже стала лавировать, занимая двусмысленную позицию относительно признания ЛНР и ДНР. Украина, в свою очередь, под влиянием угрожающих заявлений Москвы, но не получая надёжных гарантий со стороны Запада, тоже старалась занять осторожную позицию, пытаясь ограничиться чисто полицейскими акциями в Донбассе. К тому же значительная часть украинских войск была нацелена на противодействие прямой российской интервенции. Тем не менее, к концу апреля нара-

щивание украинских сил в разворачивающейся АТО начало переводить борьбу в Донбассе в стадию вооружённого противостояния. Для России, по свидетельству того же Барабанова, это оказалось полной неожиданностью: «Судя по всему, российское руководство оказалось не готово к решительным действиям на Украине, к тому же в условиях усиливающегося санкционного нажима Запада. Видимо, в Кремле переоценили масштабы пророссийского „активизма“ на юге и востоке Украины, слабость новой украинской власти, и недооценили силу украинского национализма и заинтересованность элит в сохранении „самостийности“ и своего места в ней. На заседании Совета безопасности России 24 апреля было принято решение отказаться от ввода войск на Украину в поддержку восстания в Новороссии. В мае начался отвод значительной части российской группировки от границ, а 1 июня Совет Федерации по запросу Кремля отозвал формальное разрешение на применение вооружённых сил на Украине» [Там же].

Начиная с июля, проводилось повторное усиление российской группировки на границе с Украиной — как можно судить, главным образом для сковывания украинских сил в их действиях против сепаратистов. Российская сторона сосредоточилась на поставках вооружения и техники, а затем и прямым ограниченным участием в боевых действиях — разведкой, действиями артиллерии и отдельных общевойсковых и специальных подразделений, о чем свидетельствует поражение истощённых украинских войск под Иловайском в конце августа. Однако, считает российский аналитик, с точки зрения проводимой в России реформы, «полноценная война России с Украиной так и не состоялась, что не дало возможности провести масштабную проверку армии „нового облика“». Что касается проблем украинской армии — оставим этот сюжет для проработки украинскими военными аналитиками.

Тем не менее, обратимся к выводам, к которым пришли российские аналитики, и которые, судя по всему, могут представлять интерес и для украинской стороны. На вопрос: *как же выглядит сегодня «многомерная» или «гибридная» война*, они обращают внимание на следующее. **Во-первых**, это война всеобъемлющая, с использованием всех средств одновременно, когда и военные и невоенные формы воздействия дополняют друг друга. Разнообразие задействованных средств создаёт у объекта атаки ощущение потери контроля над ситуацией, когда необходимо одновременное планирование и координация в реальном времени акций, в которых в один и тот же момент задействованы спецслужбы, финансовые органы, дипломатия, глобальные информационные источники, неправительственные организации, а также регулярные и наёмные вооружённые формирования.

Во-вторых, это перманентная война, рассчитанная на достижение цели измором, подрыв изнутри с использованием слабых мест противника. Она может идти фазами — через обострения и «перемирия», чем и отличается нынешняя ситуация в украинско-российских отношениях. Мы должны твёрдо себе уяснить, что тысячи мелких ударов преследуют цель измотать, задушить, обескровить, одновременно ведя переговоры и предлагая альтернативы, склоняя на свою сторону, завоёвывая симпатии недовольных и фрондёров внутри страны.

И, наконец, **в-третьих**, что особенно важно в нашем случае, «гибридная война» — это война идеологическая. Она ведётся, пишут российские аналитики, прежде всего, за людей, за их взгляды и убеждения, а лишь потом за территорию: «для её ведения требуется мобилизация во многих областях — от морпехов до хакеров, от банкиров до журналистов. А это немислимо без идеологической обработки собственного населения... Необходимым условием является формирование картины мира, разделённого на „хороших“ и „плохих“. Поскольку любая операция призвана воздействовать на людей, пропагандистская составляющая едва ли не самая главная. Особое значение приобретает привлечение на свою сторону СМИ — как их руководства, так и рядовых репортёров — для превращения органов информации в информационно-психологическое оружие» [Гилёв 2014].

Но после каждой войны наступает мир. Каким он будет для одурманенного информационно-психологическим оружием населения по обеим сторонам этого «фронта без тыла»? Окончательный ответ здесь можно будет дать только после преодоления кризиса в украинско-российских отношениях. Только тогда воочию будет видно, что сильнее: информационно-психологическое оружие политтехнологов России, или морально-психологическое единство народа Украины? Ведь любое государство крепко настолько, насколько крепок его невидимый социальный капитал — солидарность и доверие друг к другу его граждан.

Но все же, как видит ныне возможное преодоление этого кризиса российская сторона? При анализе многих витиеватых «загогулин» политиков суть их зачастую очевидна: Россия хочет даже не федерализации Украины, а её конфедерализации с целью гарантированного блокирования любого продвижения Украины в европейское сообщество. И таким блокиратором, своеобразным аварийным «стоп-краном», должен выступать Донбасс. А вот Крым — это трактуется как уже совершенно другая история. Крым считается чем-то таким, что вообще не подлежит пересмотру. Хотя оба эти вопроса — Донбасса и Крыма — тесно увязываются между собой.

Каким образом? Об этом многие из высшего эшелона власти говорят достаточно откровенно: то ли на жаргонном языке того же Владимира Жириновского (вспомним его официальное обращение к Польше насчёт раздела Украины), то ли желчно-иезуитскими устами Константина Затулина. Так, например, Затулин заявляет, что «российско-украинские отношения, плохие или хорошие, обречены остаться. Как их выстраивать, если потеряв Крым, Украина получила от России взамен «крымский синдром» — фантомную боль, которая может быть посильнее настоящей? **На этот вопрос у России, теоретически, могут быть только два варианта ответа. Или Украина развалится на несколько Украин — и тогда никто не сможет сказать, какой из них следует вернуть Крым и Новороссию, или же «Украина сохранится на карте — без Крыма, но с Новороссией, занявшей его место в российско-украинских отношениях** (курсив наш. — Авт.)» [Затулин 2014]. То есть, Новороссия рассматривается как проект, который специально готовился «под слив» при окончательном решении вопроса об аннексии Крыма.

Да, тут вышла заминка. Кто же в России в пылу эйфории мог предполагать, что замышлялось одно, а потом выплывет на свет Божий, стара как мир, иррациональная проблема, когда хвост начинает крутить собакой. И в этой ситуации даже такой патентованный украинфоб как Глеб Павловский, озвучивая мнение определённых кругов России, обращает к президенту РФ Путину слова Хлудова из булгаковского «Бега»: «Ты хорошо начал, солдат, но плохо кончил». А дальше идёт интерпретация этого образа: «Путин хорошо начал. А сегодня у меня такое ощущение, что он испугался... Испугался самого себя. Куда идти дальше. Дальше-то что?.. Очень заметен разрыв между Крымом и последующими действиями. Видно, что дальше все шло как импровизация или реакция на чужие действия. Люди, боящиеся будущего, запрещают себе обдумывать выбор пути. Когда у тебя не поставлены достижимые цели, начинаешь колебаться между двух полюсов — то ничего не делаешь, то ввязываешься в колоссальный конфликт. Если посмотреть на прошедшее лето, мы все время балансировали между растерянностью и войной. При этом войны не хотели, но не знали, что делать, если не воевать? В таких случаях, как говорить, только Бог помилует от беды» [Павловский 2014].

А ведь замышлялось вроде бы все по науке. **Исходили из того, что в Украине существует русская ирредента** — та же диаспора, но компактно проживающая на сопредельной территории к России. Вот тут, мол, и появляется шанс разжечь сепаратистские настроения, посулив рай земной на присоединённой к России территории, и тем самым внести дестабилизацию в общественно-политическую жизнь Украины. Было завезено оружие, проплачены активисты, пролилась кровь, в социум был внесён раскол. Об этом образно пишет известный российский журналист Андрей Бабицкий. При отсутствии какой-то значимой элиты, на Дон-

бассе из полукриминальной и криминальной среды, с психологической установкой на то, что „винтовка рождает власть“», стала возвращаться «новая общность — людей, спаянных войной, получивших силу от ощущения причастности к истории. Они уверены, что им дано перевернуть реальность с помощью автоматов и систем залпового огня. Это, конечно, так, но войны заканчиваются, и жизнь требует возвращения в повседневный формат. Я видел, какой трагедией оборачивается для людей необходимость расстаться с оружием и чувством исторической значимости своего поступка. Здесь будет так же» [Бабицкий 2014].

Дать в руки оружие легко, но отобрать его уже трудно. Донбасс вошёл в процесс со всеми старыми болячками: криминалом, вороватостью, отсутствием привычки уважать закон и т. д. В среднем и мелком бизнесе начался масштабный передел под названием «взять под внешнее управление». Собственник уехал, закрыл свое дело, ДНР приходит и открывает его без ведома хозяина. Объясняют это тем, что городу необходимы работающие предприятия, а людям зарплата. Но ведь смена форм собственности — это вечный спутник гражданской войны. Остаётся надеяться на помощь Москвы. Но на Донбассе, пишет Бабицкий, уже кое-кто начинает понимать, что в России свои проблемы: «огромная страна под санкциями, рубль валится, уровень жизни падает. Кремль вынужден вести сложную игру: где-то нажать, где-то отступить. И если в какой-то момент ему понадобится пожертвовать интересами Донбасса, он это сделает не задумываясь». А на Донбассе свои болячки: «уголь у нас дороже, чем в России, потому что его там добывают открытым методом, а мы в шахтах. Нужен какой-то перелом. А какой перелом, если война продолжается и мы в изоляции» [Там же].

Кроме того, следует учитывать международный резонанс вокруг проблемы Донбасса. ***Никто в мире не хочет какого-то нового «косовского прецедента». Каждая страна имеет ирреденту в соседней стране*** — то ли большую, то ли меньшую. И если каждая из меньшинств станет на путь сепаратизма, то это взорвёт устоявшийся порядок в мире. Одно дело, когда какое-то меньшинство начинает бунтовать против правительства того государства, гражданами которого они являются. Это может быть воспринято международной общественностью как нечто легитимное, как борьба за права человека. Но когда, пишет старший советник Центра стратегических и международных исследований (Вашингтон) Эдвард Люттвак, ***в эти действия местного населения вовлекается иностранное государство***, поощряет или участвует в них, поддерживая всеми доступными средствами — тогда ***то, что делает местное население, не играет уже никакой роли. Это автоматически квалифицируется как столкновение противоборствующих государств***. Просто потому, что вовлечено другое государство. Тем паче вовлечено с применением армии или флота. Пусть и с поддержкой из числа из местного населения. У любого крупного внешнего игрока на поле малого всегда есть поддержка среди местного населения. Таким образом, «украинский прецедент не имеет пока ничего общего с делом объединения наций. Это не вопрос того, что одни русские хотят объединиться с другими русскими. Здесь **речь идёт о геополитических интересах российского государства**: с его деньгами, тайными и явными операциями, при помощи которых оно хотело спровоцировать выгодные этому государству изменения на территории Украины» [Люттвак 2014].

Российские политики пытаются уйти от этого ясного вопроса, несколько замутив проблему тем, что, мол, Украина в отношении к России вроде бы и не государство, а так себе — вечный исторический сателлит и этнографический донор. Так, бывший глава Администрации Президента России Александр Волошин рисует эту «картину маслом» следующим образом: «Украина для нас... при всем уважении к украинской незалежности, это что-то совсем близкое. Если сравнивать наши отношения, допустим, в параметрах Великобритании, я бы сравнил это с отношениями между Англией и Уэльсом. Это совсем близко, даже не между Англией и Шотландией. Это реально довольно близкие отношения». И далее: «Из этого не должно вытекать, что мы будем готовы обсуждать статус Крыма» [Российским интересам отвечает... 2014]. Мол, взяли своё, и никто нам не указ.

Вот в этом и состоит главная ошибка. Мир-то ведь изменился, он глобализировался и стал взаимозависимым. Мир бросил свой вызов времени, на который следует отвечать, ведь судьба ведёт умного за руку, а дурака тащит за ворот. Сейчас аналитики приходят к пониманию того, что целостной и ориентированной на будущее модели развития в России не сложилось. Так, Федор Лукьянов, редактор журнала «Россия в глобальной политике», с тревогой констатирует, что двигаясь по сложной и хаотической траектории, *Россия застряла между двумя состояниями. Страна так и не стала равноправной частью мировой экономики, которая извлекала бы полноценные дивиденды из глобализации. Но и интегрировалась в нее в достаточной степени, чтобы испытывать на себе все потрясения на мировых рынках.* В какой-то момент промежуточная ситуация стала тяготить всех — и сторонников дальнейшей интеграции, и приверженцев более изолированного развития. Но движения ни в ту, ни в другую сторону не происходило по целому ряду причин как внутреннего, так и внешнего свойства. Но вот вдруг на наших глазах возник «момент истины»: *«Украинская коллизия сломала тренд, создав совсем другую ситуацию, которая может дальше развиваться в разных направлениях.* Теперь все больше, чем прежде зависит от нас самих — внешние источники роста либо закончились, либо отсечены из-за политической ситуации. России необходима концепция экономического прорыва с опорой на внутреннюю инициативу и человеческий капитал, внешних стимулов ожидать больше не приходится (курсив наш. — Авт.)» [Лукьянов 2014].

И вот в это самое время, когда цели для России по-прежнему не поставлены, когда общество не знает, куда двигаться дальше, машина власти тем временем в сегодняшнем стратегическом поле не работает. Более того, она делает ошибки, а люди, спасаясь, начинают каждый решать свои проблемы отдельно. И в этой ситуации, замечает Глеб Павловский, было бы ужасно, если бы Путин забыл, что он же управляет не Новороссией, а Россией, и что не его заботой должно быть обдумывание ситуации как организовать власть в Луганске и Донецке: *«Сейчас настало время поворота к будущему времени для страны. Когда ты повернёшься к реальным делам, тебя перестанут мучить кошмары санкций и мысли о том, подал ли руку какой-то премьер. В принципе ведь задача санкций не столько в том, чтобы сделать тебе больно, а чтобы ты каждый день думал о них, пока эти переживания не съедят твой мозг».* Конечно, каждое государство может поставить себе какую-то цель — то ли реальную, то ли фантастическую. Этим можно заниматься на досуге, «но только в том случае, если мы останемся Россией, а не превратимся сами в Новороссию у себя дома... Когда гаснет понимание стратегической цели — долгосрочной, среднесрочной, промежуточной, — остаются одни эмоции, распалые из „Останкино“ по вашему же указанию. Такое кончается плохо. Но не обязательно так плохо, как мы думаем, — это может кончиться ещё хуже» [Павловский 2014].

Конечно, можно сказать, что не только Россия, но и государства побольше и помощнее тоже пребывают в поисках стратегического проекта будущего. Сейчас ведутся споры, какой проект будущего выдвинут США, а какой будет от Китая. Однако, при всех раскладах, складывается впечатление, что Россия в выигрыше не будет ни при каких обстоятельствах. Прислушаемся к авторитетному мнению программного директора Российского института по международным делам Ивана Тимофеева: *«Украинский кризис хорошо иллюстрирует сложившуюся ситуацию. Россия заняла жёсткую позицию, действует на опережение, заявляет о себе как о державе, с мнением которой нужно считаться. Сейчас видно, что наша страна вряд ли отступит от взятого курса. Однако оппоненты будут отвечать России не только и не столько политическими методами. Они будут пытаться не допускать Россию к глобальным источникам роста и развития. Причём давление будет мощным и консолидированным. А Россия будет в этой игре без надёжных союзников»* [Тимофеев 2014].

В создавшейся ситуации, по мнению Тимофеева, Россия оказалась в ситуации шахматного цугцванга, — какой бы ход она не предприняла, она будет в проигрыше. *В случае жёсткой конфронтации с Западом* повысится рост консолидированного давления на Рос-

сию, как в сфере безопасности, так и в сфере экономики. Произойдёт её дальнейшая маргинализация, выталкивание на мировую периферию, отсечение от финансовых, технологических и иных источников роста. В данном сценарии России выстоять будет крайне сложно.

Второй сценарий — *значительные уступки Западу*. В создавшихся ныне условиях, как показало заседание «большой двадцатки» в Брисбене (Австралия, ноябрь 2014 г.), этот сценарий окажется тоже негативным, поскольку возвращение в глобальный мир в этом случае будет несравненно более дорогим. Кроме того, уступки вовсе не гарантируют того, что Россия не будет зажата в угол в будущем и сможет преодолеть существующие проблемы развития.

Поскольку оба сценария для России оказываются неприемлемыми, то *страна объективно становится заинтересованной в смене существующего миропорядка*. Она заинтересована в многополярности мира, что гарантировало бы ей наличие нескольких источников роста и развития. Но Россия вряд ли может выстроить такой миропорядок самостоятельно. В отличие от Советского Союза, у неё нет даже проекта, который можно было бы предложить остальным странам. А между тем будущее международных отношений, скорее всего, будет связано с конкуренцией проектов мироустройства.

Такие проекты нам хорошо знакомы. *Один из них — либеральный западный* подход, предполагающий сохранение и развитие имеющейся модели глобализации. *Другой подход будет апеллировать к издержкам западной модели, к проблеме неравенства и распределения ресурсов*. Кто возьмёт на себя роль лидера глобального левого проекта? Ответ очевиден. *Это будет Китай*. Если конфронтация России и Запада зайдёт слишком далеко, то России будет более выгоден второй вариант. В этом случае она может попробовать встроиться в китайскую модель. Но рассчитывать на то, пишет Тимофеев, что Россия в ней будет равноправным партнёром, не приходится.

Наконец, *последняя альтернатива для России — попытаться сохранить за собой самостоятельную роль, играть сразу на нескольких досках*: не обострять до предела конфронтацию с Западом и одновременно избегать зависимости в отношениях с Китаем. То есть, маневрировать, попутно решая проблемы собственного развития — технической отсталости, качества жизни, эффективности государственного управления и т.п. Но тогда, в силу ограниченности ресурсов России и множества проблем, стоящих перед ней, именно дипломатия, а не военная сила, должны стать ключевым инструментом её внешней политики. *И тогда, добавим мы, «гибридная война», в том виде, какой она приобрела сегодня, изживёт себя*.

Но это проблемы России, источников её возможной модернизации. А пока что Украину беспокоит то, что в отчаянной ситуации Россия может пойти на риск обострения отношений с Украиной. *Беда вся в том, что для России Украина — это скорее внутренний вопрос. Указанный тезис демонстрирует полное отсутствие у российских политических элит восприятия Украины как независимого государства, агрессия против которого способна дорого обойтись российской экономике и общим позициям в мире*. А потому в треугольнике Россия-Украина-Запад Россия демонстрирует безальтернативность своих интересов в Украине, *в то время как Запад*, и прежде всего США, для которых Украина никогда не входила в сферу жизненных интересов, *предельно осторожны и сдержаны в своих попытках воздействия на Россию* [Синовец 2014].

Украине приходится лишь надеяться, что дальнейшее развитие событий, возможно, изменит баланс сил в сторону усиленной поддержки Западом Украины. И для этого есть все основания. Взять хотя бы первое интервью посла США в России Джона Тейффта после вручения им верительных грамот Президенту РФ Владимиру Путину. Посол чётко и однозначно подтвердил известную позицию США о том, что: 1) «мы по-прежнему твердо придерживаемся принципа: страны имеют суверенное право выбирать, в какие политические, экономические и военные союзы им входить. И другие страны не могут наложить вето на это право»; и 2) «вы не можете просто аннексировать территорию другого государства, какими бы историческими мотивами вы не руководствовались. А в Крыму именно это и произошло. Надеюсь,

что этого не произойдёт на востоке Украины». Продолжая сотрудничество между США и Россией, заявил посол, «это не значит, что мы просто возьмём и забудем об Украине. Это проблема, и её надо решать» [Теффт 2014].

А пока нельзя исключать возможности обострения ситуации в Харькове или Одессе. Никуда не делся вариант прокладки сухопутного коридора через Мариуполь. Во всяком случае, Россия будет изыскивать варианты для подпитки нестабильности в регионе. То, что Запад продемонстрировал нежелание торговаться по вопросу Крыма, становится важнейшей внутрироссийской проблемой, так как сдача оккупированной территории будет восприниматься националистическими силами России как акт предательства со стороны президента. Поэтому ему на данный момент отступать абсолютно некуда. Как следствие, он, судя по всему, будет поддерживать определённый градус напряжённости и, таким образом, отслеживать, как будет развиваться ситуация и действовать по обстановке.

Что будет в дальнейшем — трудно представить. Но, как показывает монитор СМИ, в самой России среди аналитиков возникает ощущение, что страна готовится отметить 100-летний юбилей Великого Октября чем-то нестандартным. Во что это выльется, одному Богу известно.

Постскриптум

И в преддверии этой прямо таки ставшей сакральной исторической даты — 1917-го года — в том или другом контексте снова возникнет проблема невинно убиенных. И не будет ли многих из нас беспокоить, как булгаковского Пилата, один и тот же сон о палаче и жертве. Ведь подобные сны так просто никуда не исчезают. Они являют себя и две тысячи лет спустя. Не придётся ли и нам, как ставшему со временем научным сотрудником Института истории и философии профессору Ивану Николаевичу Поньреву (в прошлом — поэт Иван Бездомный), снова и снова переживать все тот же «синдром жертвы и палача» Пилата? После всего происшедшего на Патриарших прудах в Москве Иван Николаевич, как нам об этом сообщает Михаил Булгаков, поумнел. Он теперь уже «все знает и понимает», что «в молодости он стал жертвой преступных гипнотизёров, лечился после этого и вылезился».

Да только вот никак не может он совладать с весенним полнолунием: «Будит учёного и доводит его до жалкого крика в ночь полнолуния одно и то же. Он видит неестественного безносого палача, который, подпрыгнув и как-то ухнув голосом, колет копьём в сердце привязанного к столбу и потерявшего разум Гестаса. Но не столько страшен палач, сколько неестественное освещение во сне, происходящее от какой-то тучи, которая кипит и наваливается на землю, как это бывает только во время мировых катастроф».

После укола все меняется перед спящим. От постели к окну протягивается широкая лунная дорога, и на эту дорогу поднимается человек в белом плаще с кровавым подбоем и начинает идти к луне. Рядом с ним идёт какой-то молодой человек в разорванном хитоне и с обезображенным лицом. Идущие о чем-то разговаривают с жаром, спорят, хотят о чем-то договориться.

- Боги, боги, — говорит, обращая надменное лицо к своему спутнику, тот человек в плаще, — какая пошлая казнь! Но ты мне, пожалуйста, скажи, — тут лицо из надменного превращается в умоляющее, — ведь её не было! Молю тебя, скажи, не было?

- Ну, конечно не было, — отвечает хриплым голосом спутник, — тебе это померещилось.

- И ты можешь поклясться в этом? — заискивающе просит человек в плаще.

- Клянусь, — отвечает спутник, и глаза его почему-то улыбаются.

- Больше мне ничего не нужно! — сорванным голосом вскрикивает человек в плаще и поднимается все выше к луне, увлекая своего спутника. За ним идёт спокойный и величественный гигантский остроухий пёс».

В итоге все булгаковские герои «награждаются» покоем. «Но, — многозначительно замечает доктор филологических наук Александр Ужанков, — только до Страшного суда. Это не „в блаженном успении вечный покой“, как поётся во время панихиды по усопшим праведникам. Что будет с ними после Страшного суда, никому не ведомо» [Ужанков б/д].

И действительно — а что же с нами-то будет? Сможем ли мы когда-нибудь договориться? Ведь то, что происходит, хотя и не тянет пока на Страшный суд, но это как посмотреть. Ведь вот шёл же рядом с Пилатом философ, выдумавший «столь невероятно нелепую вещь вроде того, что все люди добрые». И поплатился за это. Хотя Пилату потом больше всего хотелось, чтобы он был жив. А тут две тысячи лет спустя появился ещё и народ, возомнивший, что он может сам выбирать свою собственную судьбу, и не слушает бывалых в переделках людей о том, что и живёт то он, оказывается, лишь «на заднем дворе» своего старшего брата. А эти люди убеждают, что именно он заблуждается, став «жертвой преступных гипнотизёров», которые, по словам министра иностранных дел РФ Сергея Лаврова, «как говорят хулиганы, попытались „взять на понт“ (иначе даже сказать не могу), заставить нас проглотить унижение русских и русскоязычных на Украине» [Лавров 2014]. После вот таких от «профессиональных» диагнозов со стороны России приписали этому народу лечиться. И пошли, по рецептам врачей, прижигания «Градом» да миномётным огнём, в расчёте на то, что интеллигенция в это время будет занимать себя дискуссиями об «утеснениях русского языка». То есть тем, выражаясь словами героев Булгакова, чего «не происходило на самом деле никогда», а потому и «путаница эта будет продолжаться очень долгое время».

А итог пока что неутешителен: «писатели пописывают, а читатели почитывают». К своей чести, одна группа российской интеллигенции заявила об осуждении аннексии Россией Крыма: «Мы, представители российской интеллигенции, обязаны предостеречь власть от совершающейся исторической ошибки — стремления взять под контроль с помощью российских вооружённых сил часть другой, ещё недавно братской страны — Украины». Да только вскоре появилось обращение и другой группы интеллигенции, инициированное министром культуры Владимиром Мединским — направленное, напротив, на поддержку действий российских властей [Конгресс интеллигенции... 2014]. Такое вот, с позволения сказать, «братство».

И чего уж тут удивляться, если в Украине упомянутая Анастасия Дмитрук закончила свой текст песни словами: «У вас Царь, у нас — Демократия. Никогда мы не будем братьями». Осознаем ли мы до конца всю гнусность пути, на который нас вывела агрессия?

Бабицкий 2014. Бабицкий А. Лёгкость войны. Выносимая и не очень. — *Россия в глобальной политике*. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/Ukraine_crysis/Lgkost-voiny-Vynosimaya-i-ne-ochen-17085 . — Проверено: 05.12.2014.

Барабанов 2014. Барабанов М. Испытание «нового облика». — *Россия в глобальной политике*. — Доступно: <http://www.globalaffairs.ru/print/number/Ispytanie-novogo-oblika-17097>. — Проверено: 05.12.2014.

Герасимов 2014. Герасимов В. *Ценность науки в предвидении*. — Доступно: <http://www.vpk-news.ru/print/articles/14632> . — Проверено: 05.12.2014.

Гилёв 2014. Гилёв О.А. Многомерная война и новая оборонная стратегия. — *Россия в глобальной политике*. — Доступно: <http://www.globalaffairs.ru/print/number/Mnogomernaya-voyna-i-novaya-oboronnaya-strategiya-17101> . — Проверено: 05.12.2014.

Затулин 2014. Затулин К. Хотят ли русские войны? — *Россия в глобальной политике*. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/ukraine_crysis/Khotyat-li-russkie-voiny-17083. — Проверено: 05.12.2014.

Конгресс интеллигенции... 2014. *Конгресс интеллигенции вновь пытается остановить российскую агрессию*. — Доступно: http://nr2.com.ua/News/world_and_russia/Kongress-intelligencii-vnov-pytaetsya-ostanovit-rossiyskuyu-agressiyu-85321.html. — Проверено: 05.12.2014.

Лавров 2014. Лавров С.В. XXII ассамблея Совета по внешней и оборонной политике. — *Россия в глобальной политике*. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/ukraine_crysis/XXII-assambleya-Soveta-po-vneshnei-i-oboronnei-politike-17138. — Проверено: 05.12.2014.

Лукиянов 2014. Лукиянов Ф.А. Чувство глубокого неудовлетворения. — *Россия в глобальной политике*. — Доступно: <http://www.globalaffairs.ru/print/redcol/Chuvstvo-glubokogo-neudovletvoreniya-17134>. — Проверено: 05.12.2014.

Люттвак 2014. Люттвак Э. Какая ещё Ирредента? Конфликт государств! — *Россия в глобальной политике*. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/ukraine_crysis/Kakaya-esche-Irredenta-Konflikt-gosudarstv-17014. — Проверено: 05.12.2014.

Павловский 2014. Павловский Г. «Президенту надо выйти из круга старых друзей». — *Россия в глобальной политике*. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/ukraine_crysis/Prezidentu-nado-vyiti-iz-kruga-starykh-druzei-17132. — Проверено: 05.12.2014.

Российским интересам соответствует... 2014. Российским интересам соответствует единая Украина. — *Россия в глобальной политике*. — Доступно: <http://www.globalaffairs.ru/print/global-processes/Rossiiskim-interesam-sootvetstvuet-edinaya-Ukraina-16941>. — Проверено: 05.12.2014.

Синовец 2014. Синовец П. Кто кого: Украинский кризис, санкции Запада и попытки сдерживания России. — *Россия в глобальной политике*. — Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/ukraine_crysis/Kto-kogo-Ukrainskii-krizis-sanktsii-Zapada-i-popytki-sderzhivaniya-Rossii-17073. — Проверено: 05.12.2014.

Теффт 2014. Теффт Дж. «Наши двери все ещё открыты для россиян». — *Россия в глобальной политике*. — Доступно: <http://www.globalaffairs.ru/print/global-processes/Nashi-dveri-vse-esche-otkryty-dlya-rossiyan-17140>. — Проверено: 05.12.2014.

Тимофеев 2014. Тимофеев И. Волки и зайцы. Что ждёт Россию в меняющемся миропорядке? — *Россия в глобальной политике*. — Доступно: <http://www.globalaffairs.ru/print/global-processes/Volki-i-zaitcy-chno-zhdet-Rossiyyu-v-menyayushemsya-miroporjadke-17121>. — Проверено: 05.12.2014.

Ужанков б/д. Ужанков А. *Кому под хвост*. — Доступно: http://old.lgz.ru/archives/html_arch/lg112006/Polosy/18_2.htm. — Проверено: 05.12.2014.